

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА:
ДОКУМЕНТЫ ПОЛИБЮРО ЦК РКП(б) – ВКП(б)
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х годов**

Мы еще не осознали до конца, что нашему поколению историков выпала уникальная судьба – быть самыми первыми учеными совершенно нового этапа историографии. Новизна эта создана тем внезапным, скачкообразным расширением массива доступных исследователю документальных источников XX в., в результате которого возможности историка достигать нефальсифицированную картину прошлого возросли многократно и, главное, качественно.

Быть может, для меня этот скачок особенно ощутим в силу двух обстоятельств. Во-первых, в 1957 г. нас, группу молодых историков МГУ, постигла жестокая кара за попытку хотя бы чуточку приоткрыть завесу секретности над русской историей XX в. на неизмеримо более скудной источниковой базе, чем та, что стала сейчас доступной в читальных залах архивов и библиотек. Во-вторых, 60–90-е годы я посвятил делу медленного, постепенного накопления древнерусских источников в археографических экспедициях: за 30 лет несколько десятков ученых целого ряда научных учреждений страны смогли увеличить массив этих источников едва ли на 20%. При этом, несмотря на обилие интереснейших находок, лучшие из них были в общем-то вполне сопоставимы по их значению в историографическом процессе с тем, что уже находилось в известных книжных собраниях. А за последнее десятилетие количество дел, поступавших в систему Росархива из ранее секретнейших фондов, таково, что общий объем дел в ней возрос примерно раза в два с половиной – три. Практически почти весь прирост – документы, созданные за годы советской власти. И, главное, это наиболее значимые для историка документы советского периода, без них отныне изучать историю бессмысленно, исследователи событий 1917–1991 гг. должны теперь в первую очередь обращаться именно к ним.

Отсюда вытекает важнейшая задача нашей науки: первоочередное выявление, изучение и издание этих источников с применением строжайших источникововедческих и эдичионных методов, гарантирующих от фальсификаторских рецидивов в духе в Бозе почившей ВАКовской специальности 01 ("История КПСС").

Это означает в первую очередь констатацию того элементарного положения, что вопреки дурным партийным традициям источникововедческая методика в принципе единая для источников всех периодов и, таким образом, методы и приемы, действительные для источников предыдущих веков, распространяются в значительной своей части и на документы советской истории. В какой именно части распространяются, а где, наоборот, сфера действия специфичных для этого времени законов и методов – должны определить конкретные источникововедческие исследования.

Может показаться, что эти утверждения (как и ряд следующих ниже) из разряда само собой разумеющихся. Но вот лишь два примера, свидетельству-

ющих о том, что настойчивое внимание к требованиям источниковедения (в том числе и самым элементарным) сегодня крайне необходимо историкам, изучающим советское общество. Среди огромного вала авторефератов таких историков, с которыми мне довелось знакомиться на заседаниях специализированных советов, крайне редко встречались работы, авторы которых умели грамотно построить источниковедческие разделы. Диссертанты даже не то, чтобы не умели правильно решать элементарные источниковедческие вопросы — они чаще всего не подозревали об их существовании. В изрядном большинстве публикаций источников советской истории, включая самые последние, не выполняются многие важнейшие нормы — вся легенда к документу подчас сводится к одному слову ("подлинник", "копия"), не указаны основания датировки, атрибуции, не фиксируются бланки, печати и штампы, многие пометы, напрочь отсутствует текстологический подстрочник, что почти наверняка свидетельствует о неоговоренной правке издаваемого текста. Есть исключения, что вселяет надежду.

Конечно, в нашей историографии есть примеры выдающихся по глубине и скрупулезности разработок проблем источниковедения советского общества. Упомянем хотя бы исследования С.Н. Валка о принципах издания источников XX в., прежде всего — произведений В.И. Ленина, декретов советской власти, листовок¹. Они создали важную базу всей последующей публикаторской деятельности ИМЭЛ, академических институтов. Постепенно выдерживать высокий научный уровень, определенный талантливым источниковедом старой петербургской школы, было все труднее, и желающих помнить о нем становилось все меньше. Но сегодня значение этих трудов С.Н. Валка особенно велико. Исключительно важной для создания фундамента источниковедения документов советских директивных органов является и работа Э.Б. Генкиной над материалами Совета Народных Комиссаров 1917–1929 гг.²

Упомянем еще об одной общей проблеме. Эта проблема — справочники. Сейчас оказалось, что, подводя итог кипучей деятельности поколений многочисленных истпартчиков и им подобных, мы вынуждены констатировать здесь почти совсем пустое место. Были на то, конечно, важнейшие объективные причины, но не забудем и о субъективных: как показывает пример Э.Б. Генкиной, и в тех условиях архивного засекречивания можно было для развития источниковедения сделать многое. Но об этом мало кто даже задумывался.

Между тем для нормального изучения и издания документальных источников совершенно необходим целый набор справочников. Не говоря об обзорах архивных фондов (здесь кое-что в меру дозволенного и не по архивам КПСС делалось, как всем известно), назовем хотя бы следующие направления этой особенно нужной сейчас работы. Требуются справочники о динамике структуры фондообразователей, в первую очередь — директивных органов. Исследователь, беря в руки документ, должен знать, какова была структура, например, Секретариата ЦК, какие были отделы на Лубянке и т.д. Он должен иметь списки соответствующих ответственных функционеров, а также — секретарско-канцелярских работников, имевших дело с данным документом. При наличии архивных картотек задача создания подобных справочников не столь уж неисполнима. Необходима работа по составлению и публикации банков почерков и подписей упомянутых функционеров и канцеляристов, динамики бланков, печатей и штампов учреждений. Для 1920-х годов, когда канцелярские штаты были ограничены, вполне возможно и составление определителя машинописных

¹ Валк С.Н. Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991.

² Генкина Э.Б. Протоколы Совнаркома РСФСР за 1917–1922 гг. и их значение как исторического источника // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 3–32; Она же. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина. М., 1982.

шрифтов наиболее важных канцелярий страны по методике судебно-следственной экспертизы Лубянки.

Особенно важны, конечно, биографические справочники, и понимание этого факта является одной из отрадных примет наших дней: упомаяем о выходе прекрасного справочника о деятелях 1917 г., разработанного и изданного под руководством П.В. Волобуева¹. Наконец, нынешний вал журнальных и даже газетных публикаций ранее секретных документов требует хорошего библиографического учета (что позволит сегодня к тому же лучше ориентироваться и в существующих фондах – пока пойдут соответствующие справочники).

Конечно, такая работа требует внимания квалифицированных кадров историков, архивистов и немалых расходов. Но вспомним, сколько серьезных научных и учебных организаций занимаются сейчас разными проблемами XX в., зачастую абстрактными общими построениями. А тут – конкретное, нужное дело. О необъятном количестве упомянутых авторов рефератов, понятное дело, не говорю, хотя и тут какой-то процент мог бы пригодиться.

Еще два обстоятельства будут работать на это нужное дело. Во-первых, здесь вполне возможна международная кооперация. Очень важно, что уже идет работа по копированию описей отдельных фондов (именно она, среди прочего, сделает безнадежными любые попытки вновь засекретить сам факт существования этих дел). Наконец, экспертные комиссии и совет Российского гуманитарного научного фонда приняли решение считать работу по созданию подобных историко-филологических и археографических справочников приоритетным направлением фундаментальных гуманитарных исследований.

* * *

Отныне историк, изучающему эволюцию и функционирование механизма власти, а также процесс рассмотрения в высших директивных органах страны огромного количества конкретных проблем, от глобального значения до вполне частных, нельзя будет обойтись без документов Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС.

Изучение этапов создания, редактирования, оформления, рассылки или публикации таких документов стало возможным лишь недавно. Ранее только отдельные виды или экземпляры этих источников были относительно доступны для считанного числа исследователей, почему-то не торопившихся использовать и эти небольшие возможности для источниковедческого анализа.

Применительно к документам 1920-х годов, фиксировавшим коллективную волю Политбюро, здесь следует говорить о протоколах заседаний ПБ – черновых (оригиналов) и беловых (копий), а также о выписках из протоколов, изготавливавшихся на особых бланках для рассылки заинтересованным лицам. Наряду с подлинниками документов, хранящихся в делах фонда Политбюро, часто встречаются и копии того же и значительно более позднего времени (1930-х годов, 1958 г., 1960 г., 1970 г.). Ниже пойдет речь о некоторых источниковедческих характеристиках таких документов, связанных прежде всего с конкретной проблемой выработки в 1922–1923 гг. политики по отношению к церкви и религии. Но мы старались в первую очередь обращать внимание на те особенности и признаки документов, которые вполне применимы и к материалам обсуждения в Политбюро любых других проблем.

Эти две группы источников – протоколы заседаний Политбюро и сделанные на их основании выписки – занимают в системе документации высших органов власти совершенно особое место. Именно они фиксируют главные решения

¹ Политические деятели России. 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993.

того органа, которому реально принадлежала власть в стране во всех сферах – законодательной, исполнительной, судебной, не говоря уже о руководстве репутильной прессой. Поэтому, все декреты, указы, постановления и приговоры ВЦИК, ЦИК СССР, СНК, Верховного суда и их органов являются документами вторичными по отношению к протоколам Политбюро и выпискам из них. А пресса советского режима, доступ историков к коей стал столь заметным достижением хрущевской оттепели, отражает работу действительных механизмов власти еще более опосредованно, со все возрастающей долей мифологизации. (Этот элементарный источниковедческий вывод является существенным при оценке трудов многих историков как в нашей стране, так и за рубежом, предпочитавших или вынужденных рисовать картину советского прошлого лишь на основе сведений прессы, публицистики).

Базовым источником, фиксирующим коллективную волю Политбюро, вырабатанную на его заседании, является черновой протокол заседания. В оформлении этого важнейшего документа элементы стандартизации нарастают от 1919 г. (когда на VIII съезде РКП(б) были конституированы Политбюро, Секретариат и Оргбюро ЦК партии) к 1926 г. постепенно и непоследовательно (публикацию первого протокола ПБ от 16 апреля 1919 г. с фотокопией черновика см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3). Черновые протоколы заседаний Политбюро за 1920-е годы отложились в делах (Ф. 3. Оп. 1) Архива Президента Российской Федерации (АПРФ). В 1926 г. на основании черновых протоколов были изготовлены белые копии, которые ныне хранятся в РЦИХДНИ (сюда сейчас переданы и черновые протоколы из АПРФ).

Черновой протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) состоит из следующих частей: 1) листа с обозначением порядкового номера протокола и даты заседания, а также со списком присутствовавших на заседании; 2) листа (или листов) с перечислением пунктов повестки дня; 3) листов с записью принятых по каждому пункту повестки дня постановлений (иногда каждому пункту посвящался один лист, реже – два, иногда же постановления записывались подряд на продолжающихся листах, по несколько пунктов на лист); 4) инициативных и сопропоядающих постановлений документов, приложенных к протоколу; 5) записок с формулированием постановления, сделанным в ходе самого заседания или перед ним; 6) записей поименных голосований по отдельным пунктам.

Далее приводим некоторые наблюдения над этими составными частями.

1) Список присутствовавших обычно помещался на открывавшем протокол заглавном листе сразу над "шапкой": "Протокол № ... заседания Политбюро ЦК РКП(б) от ...". Некоторые протоколы не имеют сейчас таких листов (прот. № 3, Д. 334; № 12, Д. 343; № 19, Д. 350; и др.). Это может быть следствием канцелярской небрежности или позднейшей утраты, но в нескольких случаях правомерно предположить, что протоколы заседаний оформлялись, несмотря на отсутствие заседаний как таковых. В протоколах № 117 (Д. 269); № 62 (Д. 331) нет ни списка присутствовавших, ни повестки дня, и протоколы эти фиксируют только состоявшиеся между заседаниями опросы членов Политбюро, т.е. уже проведенное голосование, новых вопросов здесь нет. Поэтому даты принятия решений по разным пунктам здесь разные, единой даты заседания нет ни на обложке дела, ни в самом деле. Оба протокола непосредственно перед съездами партии оформляют ранее принятые решения (что создает источниковедческую проблему датировки этих решений).

В списке присутствовавших полагалось указывать отдельно: членов Политбюро и кандидатов в члены Политбюро (те и другие иногда записывались одним абзацем, причем слово "кандидат" часто пропускалось); членов ЦК и кандидатов в члены ЦК; членов Президиума ЦКК; прочих должностных лиц. Изредка здесь же указывались вызвавшие на заседание докладчики по отдельным вопросам,

если они не упоминались в предыдущих абзацах списка. Но следует подчеркнуть, что список таких докладчиков в этой части протокола нередко бывал неполным или вообще отсутствовал. В 1924 г. появляется отдельный лист "Список докладчиков".

Вот несколько примеров заглавных листов черновых протоколов со списком присутствовавших (нумерация протоколов сплошная за весь период от одного съезда партии до следующего, когда новый ЦК избирал новый состав Политбюро).

"Протокол № 88

заседания Политбюро ЦК от 5/1-22 г.

Присутствовали: члены Политбюро гг. Троцкий, Сталин, Молотов, Калинин, Камснев

Члены ЦК: Рудутак, Радег

Докладчики: гг. Крестинский, Лутовников, Сафаров, Богданов, Шведчиков, Новицкий, Аванесов,

Кржижановский⁴

"Протокол № 2

заседания Политбюро ЦК от 13/IV-22 г.

Присутствовали: члены Политбюро гг. Ленин, Троцкий, Сталин, Камснев, Молотов, Рыков

С совещательным голосом: г. Цорупа

Члены ЦК: г. Державинский⁵

"Протокол № 9

заседания Политбюро ЦК от 1/VI-22 г.

Присутствовали: члены Политбюро гг. Камснев, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский

Кандидаты: г. Молотов, Калинин, Бузарин.

С совещательным голосом: г. Цорупа⁶

Иногда в конце списка отмечались опоздавшие на заседание. В порядке перечисления имен внутри абзацев данного списка в 1922 г. уже начинает проследиваться негласная иерархия "равных", но пока еще эта характерная черта политического сознания едва намечена; первыми в списке обязательно будут: Ленин, затем Троцкий (когда они присутствовали на заседании). С осени 1922 г. постепенно имена располагаются по алфавиту. В октябре 1924 г. В.М. Молотов напоминает пометой на списке присутствовавших (прот. № 27. Д. 454. Л. 5): "Писать по алфавиту".

Этот лист в черновых протоколах – рукописный, лишь с осени 1924 г. появляются заранее напечатанные машинописные листы с первоначальным алфавитным расположением и последующими вычеркиваниями и дописываниями фамилий в соответствии с реальным присутствием на данном заседании.

2) Лист с пунктами повестки дня готовился обычно до заседания и в ходе заседания мог претерпевать изменения. Эти изменения отражались в исправлении нумерации пунктов повестки дня как на самом листе, так и на последующих документах протокола. Лист этот появляется в черновых протоколах довольно поздно, с апреля 1922 г. (с "XI созыва", по неточной архивной терминологии, т.е. с XI съезда), в машинописном или рукописном виде. С осени 1923 г. применяется особый бланк "Повестка заседания" (Д. 374).

3) Листы с черновой записью постановлений по каждому пункту повестки дня. Постановления находятся зачастую на листах произвольного размера и вида (линованных или нелинованных). Текст обязательно записывался в два столбца: "Слушали" – "Постановили". В левом столбце были написаны от руки (реже – напечатаны на машинке) № и заглавие пункта повестки дня в том виде, в каком они были сформулированы в листе с повесткой дня; в скобках указывались фамилии докладчиков. В первом столбце во время заседания записывалось от руки постановление ПБ по этому вопросу. В единичных случаях проект такого

⁴ АПРФ Ф. 3. Оп. 1. Д. 232. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 271. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 278. Л. 1.

постановления напечатан на машинке одновременно с левым столбцом. Не исключено и одновременное написание от руки обоих столбцов перед заседанием. Но в этих случаях текст правого столбца отнюдь не считался окончательным, проект решения подчас подвергался принципиальным изменениям в ходе заседания, что отражалось в рукописной правке столбца. Подобная правка чрезвычайно важна для историка, она дает уникальную возможность судить о наличии разных точек зрения на обсуждавшуюся проблему. Заключительная запись на этом листе формулировала решение о рассылке данного постановления или отдельных его разделов (они обозначались, если были, литерами а, б, в, цифрами с литерами и т.д.). Эта запись делалась в конце пункта на свободном месте, обычно в левой колонке, реже – на ширину обеих колонок.

Но наряду с подобными обычными листами для записи постановлений Политбюро в черновых протоколах с августа 1922 г. применялись и специально предназначенные для этой цели бланки (точную хронологию их использования еще предстоит изучить). Бланк имел сверху гриф с полужирными литерами:

"Центральный Комитет Российской Коммунистической партии (больше-виков)".

Гриф был подчеркнут двумя линиями: сначала полужирной прямой, затем – тонкой прямой (так на бланке 1922 г.; на бланке 1923 г. вторая линия – тонкая волнистая⁷). Ниже курсивом на бланке был набран текст: "№ ... пункт ... засед. ... от ... 192 ..г." Отмеченные многоточием места заполнялись от руки. После слова "засед." указывалось "П.Б.", "Пленум" или иной орган партии.

Ниже вертикальная полужирная черта делила страницу на две колонки с соотношением по ширине 1 : 2. Над ними полужирным шрифтом набирались колонтитулы: **"Слушали", "Постановили"**. Для записи названия пункта повестки дня и постановления на бланке отводилось далее по 14 строк в каждой колонке, затем проходила жирная горизонтальная черта, ниже которой имелись строки (2 слева и 4 справа): **"Архив: Дело №... Папка №..."** (слева); **"Материалы за №№... Выписка тт. ..."** (справа). Материалы – это прилагаемые к постановлению документы, являющиеся следующей, четвертой составной частью черновых протоколов заседаний П.Б. (Весной 1925 г. этот бланк будет несколько видоизменен: исчезнет графа "Материалы", а графа "Выписка..." займет место на ширину обеих колонок).

4), 5) Далеко не все постановления П.Б., содержащиеся на листах с колонками "Слушали – Постановили" черновых протоколов, имеют самостоятельный для их понимания и исполнения характер. В качестве примера вполне законченного постановления, не требующего приложения других документов для своего разъяснения, приведем пункт 11 протокола № 54 заседания П.Б. от 8 марта 1923 г. Это пример вполне циничного вмешательства коммунистических вождей во внутренние вопросы православной церковной жизни. Вроде бы не подобало делать такое, не только исходя из конституционных гарантий свободы совести, но и памятуя о высоких партийных принципах атеистической идеологии. Но тем не менее, читаем следующую фиксацию воли генерального штаба коммунистов России:

"Слушали: 11. О церковном Собрании. (Красиков, Попов). Постановили: 11. а) Признать необходимым дальнейшее существование В[ысшего] Ц[ерковного] У[правления]. б) Предложить комиссии принять меры к тому, чтобы при принятии Собором декрета об отделении церкви от государства в достаточно эластичной форме были сохранены права В.Ц.У."⁸

"ВЦУ" – орган, созданный по негласному указанию партии ведомством

⁷ Там же. Д. 290. Л. 16. Д. 383. Л. 13.

⁸ Там же. Д. 323. Л. 13.

Ф.Э. Дзержинского из "советских" священников-коллационистов для раскола Русской Православной Церкви. "Собор" – состоявшийся в Москве в 1923 г. псевдопоместный собор этого духовенства, организованный ОГПУ под непосредственным руководством Политбюро. "Комиссия" – пресловутая Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) и ОГПУ, осуществлявшая конкретное руководство работой партии, правительства и чекистов по расколу и разгрому церкви. Политбюро имело твердую уверенность, что подобные постановления будут проведены церковным собором в жизнь – ведь недаром начальник VI "церковного" отделения секретного отдела ОГПУ, секретарь Антирелигиозной комиссии Е.А. Тучков отчитывался позднее перед партией, что среди членов "поместного собора" было 50% его осведомителей и он мог провести любые соборные решения⁴. Так что все было ясно.

Но зачастую постановление Политбюро содержит лишь отсылку к какому-то иному документу. В листе с записью постановления ПБ по данному пункту пометка для будет лишь краткая формулировка типа "Принять предложение тов. ...", "Предложение тов. ... отклонить", само же предложение будет в черновом протоколе приложено к этому листу в подлиннике или копии. Часто случалось, что такое предложение принималось с поправками или частично, тогда в протоколе это отмечалось ("Принять пункты ... предложения т. ...", "Принять предложение т. ... с поправками, дополнениями"). Авторство поправок и дополнений указывалось часто, но не всегда. В черновом протоколе при этом мог отразиться сам процесс выработки на заседании окончательного текста постановления ПБ. В черновых протоколах и соответствующих тематических делах ПБ, хранящих связанную с заседанием документацию, реально прослеживаются следующие типы ситуаций:

а) ПБ без изменений принимает после обсуждения формулировку постановления, содержащуюся в инициативном документе. Сам документ при этом прилагается к собственно постановлению ПБ в подлиннике или копии.

б) Если одобренный инициативный документ шире постановления, то тем или другим способом отмечается принятая в качестве постановления его часть. (Либо в постановлении указываются принятые пункты, либо на документе от руки отмечен принятый в качестве постановления текст или зачеркнут ненужный).

в) Предложения в инициативном документе формулы постановления одобряются ПБ, но при этом подвергаются смысловой правке, редактированию. Это редактирование чаще всего делается от руки на инициативном документе. При этом к постановлению может быть приложен и окончательный, отредактированный текст "предложения тов. ...", рукописный или чаще машинописный. Иногда в черновом протоколе сохраняется лишь последний текст. В этом случае исследователь должен учитывать, что перед ним, возможно, уже отредактированный вариант первоначальных предложений автора инициативного документа. Помнить об этом особенно важно, так как иногда подобный окончательный текст может сохранить заголовок и некоторые другие обозначения отсутствующего инициативного документа, т.е. внешне выглядеть как первоначальный текст или его копия.

г) При обсуждении на заседании ПБ инициативного документа принимается совершенно иное предложение, сформулированное кем-либо из членов ПБ еще до заседания или непосредственно в ходе его. Тогда в черновых протоколах будет находиться отдельный листок с текстом этой формулировки. Такие листки иногда содержат и редакционную правку, отражающую поиски требуемых формулировок как со стороны самого автора текста, так и коллегиально на

⁴ РГХИДНИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 176. Л. 140.

заседании. Есть случаи, когда окончательная стилистическая (не смысловая!) правка на этих листах, как и на других частях чернового протокола, делалась красными чернилами уже после заседания рукой секретарей ЦК В.М. Молотова или реже – И.В. Сталина.

Пример важной правки инициативного документа дает черновой протокол № 114 заседания ПБ от 20 марта 1922 г., п. 6. На этом заседании был утвержден окончательный вариант текста постановления, принятого опросом еще 18 марта на основании инициативного письма Л.Д. Троцкого об организации изъятия церковных ценностей. Это заседание было примечательным: именно к нему было составлено известное свирепое письмо В.И. Ленина от 19 марта 1922 г., связанное с событиями 15 марта в Шуче, где имели место стихийные протесты населения против такого изъятия. Политбюро, утвердив 20 марта уже принятые накануне экстренные меры по вооруженному подавлению сопротивления в Шуче (прот. № 114 П. 5), рассмотрело затем более общее письмо Троцкого от 17 марта. В нем говорилось о недостатках в проведении изъятия и предлагались конкретные меры по организации этого дела, в частности – создание целой сети "секретных руководящих комиссий" на местах и в центре. Еще 18 марта члены Политбюро одобрили опросом все 17 пунктов конкретных предложений Троцкого. На заседании 20 марта это одобрение было подтверждено, но текст постановления претерпел ряд изменений по сравнению с инициативным письмом Троцкого от 17 марта.

В письме имелась важная преамбула, не вошедшая в окончательное постановление. В ней Троцкий резко упрекал Президиум ВЦИК, которым, по его словам, "сделано было ... все для того, чтобы сорвать кампанию". Декрет ВЦИК от 23 февраля об изъятии церковных ценностей, был, по словам Троцкого, "издан и опубликован совершенно независимо от хода подготовки" – надо полагать, подготовки этой кампании особыми партийными комиссиями, подчиненными Троцкому. Далее предлагалось срочно исправить это положение, укрепив контроль партии над делом изъятия при помощи ряда конкретных мер, которые и излагались ниже в 17 пунктах.

Преамбула отражает серьезные трения между ВЦИК и Политбюро по церковному вопросу, наблюдавшиеся и позднее. Конечно, будет неправомерным вывод, что декрет от 23 февраля был самостоятельностью ВЦИК. В декабре 1921 – январе 1922 г. Политбюро и лично Троцкий неоднократно подталкивали дело изъятия ценностей вообще, церковных и монастырских – в особенности. Одному из действовавших под началом Троцкого органов, центральной тройке⁹ (представители ВЦИК, НКЮ, Агитпропа П.П. Лебедев, П.А. Красиков, Л.С. Сосновский), он поручил 9 февраля "подготовить постановление Президиума ВЦИК о порядке изъятия и учета церковных ценностей"⁹. Постановление Президиума ВЦИК состоялось 16 февраля и было опубликовано 26 февраля с датой 23 февраля. Гнев Троцкого был вызван, по-видимому, тем, что на этом последнем этапе ВЦИК не согласовал с Троцким и Политбюро окончательный текст декрета. В материалах фонда Политбюро АПРФ, действительно, нет сведений о таком согласовании. В упомянутой преамбуле Троцкий упрекал и "центральную тройку" в "отсутствии какой бы то ни было работы". Это, видимо, и привело, по мысли Троцкого, к несогласованности действий в центре "и полностью разному в провинции", а сам декрет якобы "оказался холостым выстрелом, предупредившим попов о необходимости серьезной подготовки к отпору". Троцкий явно жаждал еще более решительных действий и в принятых Политбюро 20 марта 17 пунктах своих предложений жестко ставил дело изъятия под контроль партии, ВЧК и армии; для органов ВЦИК

⁹ Васильева О.Ю., Кышинецкий П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994. С. 161.

(Помгола и др.) отводилась при этом роль ширмы и исполнителя конкретных поручений.

В комментариях к изданию письма В. И. Ленина ("Известия ЦК КПСС", 1990 г. № 4 С. 194–195) опубликован (с подновлением орфографии) "предложенный Троцким проект директив об изъятии церковных ценностей" "с поправками" – т.е. окончательный текст постановления ПБ (Прот. 114. П. 6.) Все разногласия с ВЦИК и закулисная борьба остались при этом в тени.

На заседании Политбюро 20 марта инициативное письмо Троцкого от 17 марта претерпело и ряд других изменений: оно получило три дополнения к п. 1, 2, 17. Все они четко сформулированы в соответствующем листе чернового протокола по п. 6 (в колонке "Постановили" – "Предложенный т. Троцким проект директивы принять, внести в него следующие поправки..."). К этому листу приложен и первоначальный текст письма Троцкого. Вся сделанная на заседании ПБ правка нашла свое отражение на трех страницах этого письма и на добавленном к нему отдельном листке: преамбула перечеркнута крест-накрест, добавления внесены от руки. Текст добавлений был выработан не сразу, на письме остались зачеркнутые первоначальные варианты отдельных фраз, слов. Тщательно отработывался важнейший п. 2, устанавливавший персональный состав секретной "центральной комиссии" по руководству всем делом. В промежуточных вариантах этого пункта видна особая роль Я. А. Яковлева как представителя ЦК РКП(б) в комиссии; в заключительном варианте осталась лишь фамилия Яковлева. В п. 17 была введена поправка, видимо отражавшая зафиксированную и в помете на письме Ленина робкую попытку Молотова несколько ограничить размах кампании – хотя бы на первых порах – "важнейшими губерниями"¹⁰.

В бумагах В. И. Ленина в РЦХИДНИ отложился первоначальный текст письма Л. Д. Троцкого (без правки)¹¹ и окончательная редакция ПБ¹². В черновом протоколе оно, как упоминалось, сохранило всю сделанную на заседании правку. В тематическом деле ПБ об изъятии церковных ценностей¹³ оно приложено к выписке из протокола № 114 в окончательном виде, т.е. почти так, как оно опубликовано в "Известиях ЦК КПСС" по беловым копиям протоколов ПБ, созданным в 1926 г.

Один из нечастых случаев, когда Политбюро не согласилось с инициативными предложениями ГПУ, зафиксирован в протоколе заседания ПБ от 22 марта 1922 г. (№ 115 П. 12) и соответствующем тематическом деле.

В тот же день, 20 марта, когда Политбюро приняло только что нами рассматривавшиеся два постановления по церковным делам (о подавлении протестов в Шуе и об организации изъятия ценностей), ГПУ направило членам Политбюро свое предложение о разгроме "своры высших иерархов" и силовом обеспечении акции изъятия¹⁴.

В письме жестко характеризовалась "контр-революция и ничем не прикрытая работа" руководства церкви против изъятия ценностей, давалась агентурная информация о нелегальных решениях Синода об организации этой работы, всячески конструировался широкий церковный заговор. В заключительной части документа содержались четкие предложения о репрессивных мерах. Это

¹⁰ АПРФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 266. Л. 14–16.

¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 19.

¹² Там же. Л. 16–17.

¹³ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 23. Л. 17–18.

¹⁴ Экземпляры одной машинописной закладки этого документа см.: РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 36 об. – с подписями зам. председателя ГПУ И. С. Уншлихта, начальника секретного отдела ГПУ Самсонова и датой. АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 23. Л. 29 об. – с подписью Самсонова, без даты. Там же. Л. 35 об. – с обоими подписями, без даты. Рассылка письма состоялась 21 марта 1922 г.

были уже готовые формулы возможного постановления ПБ, надо было лишь исправить грамматические ошибки — задача для интеллектуальной аппаратной obsługi партии, на которую ГПУ не отвлекалось:

"ГПУ находит: 1) что арест синода и патриарха сейчас своевременно, 2) что допущение духовного собора на предмет избрания нового синода и патриарха сейчас тоже возможно, и 3) что всех попов и церковников резко выступающих против изъятия ценностей из церквей необходимо выслать в самые голодные районы голодающего Поволжья, где их афишировать перед местным голодным населением как врагов народа".

Однако в Политбюро на сей раз решили иначе. Мысли ГПУ о церковном соборе, выборах синода и патриарха относились к сфере высокой партийной политики ранга забот Ленина — Троцкого — Сталина, в подсказках Уншлихта и Самсонова не нуждавшихся. Эта часть предложений ГПУ была поэтому проигнорирована Политбюро при рассмотрении записки. Аресты видных политических и религиозных деятелей были, конечно, сферой совместных неустанных усилий ГПУ и ПБ. Но Ленин только что, 19 марта, посчитал благоразумным патриарха Тихона пока "не трогать", оставив его на свободе, но под жесточайшим надзором ГПУ, с еженедельными докладами Дзержинского и Уншлихта в Политбюро о "всех связях этого деятеля", который, как открылось заранее вождю, "несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев"¹⁵. Поэтому Политбюро, одобрив в принципе соответствующие положения ГПУ, решило их несколько отсрочить, дожидаясь успехов агитационной кампании. Документ ГПУ нельзя было, таким образом, принять даже за основу резолюции ПБ.

Результаты этих раздумий были сформулированы Троцким как всегда стремительно и четко, быстрым почерком и ясным языком. В черновом протоколе № 115, л. 12 заседания ПБ от 22 марта 1922 г. имеется автограф записки Троцкого с автографической же датой "22/III 1922" (документ был написан непосредственно перед заседанием, на котором Троцкий и Молотов не присутствовали):

"По поводу предложений г. Уншлихта

1. Арест синода и патриарха признать необходимым, но не сейчас, а примерно через 10–15 дней.
2. Данные о Шуе опубликовать, виновных* шуйских попов и мирян — трибуналу (в недельный срок); коноводов расстрелять.
3. В течение этой же недели поставить процесс попов за расхищение церковных ценностей (фактов таких не мало!)
4. С момента опубликования о Шуе печати взять бешеный тон, дав сводку мятежных поповских попыток в Смоленске, Питере и пр.
5. После этого арестовать синод
6. Приступить к изъятию во всей стране.

Троцкий"

Ниже подписи Троцкого под этим текстом следует автограф В.М. Молотова:

"С предложениями г. Троцкого согласен. К п. 6-му предлагаю дополнение: "совершенно не занимаясь церквами, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей". Это по крайней мере теперь (пока!) нужно. В. Молотов"¹⁶.

Тексты эти, фиксирующие сам ход создания постановления ПБ, напечатаны на двух сторонах небольшого листка бумаги с типографски напечатанным в левом верхнем углу лицевой стороны титулом Л.Д. Троцкого как Председателя Реввоенсовета и Наркомвоенмора. Характерно, что делопроизводственные реалии этих ведомств можно проследить на многих документах Политбюро (бланки, заверительные подписи секретарей Троцкого, их пометы, шрифт машинок, печати).

¹⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 23. Л. 22.

* Слово надписано автором над строкой.

¹⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 267. Л. 15 об.

Политбюро (в составе: Каменев, Сталин, Калинин), рассматривая 22 марта записку Уншлихта и Самсонова, приняло глухое постановление (прот. № 115, П. 12): "Принять предложение т. Троцкого с поправкой т. Молотова". Это постановление рассылалось вместе с копией текста процитированной нами записки Льва Давидовича, причем были изъяты вводная строка Троцкого ("По поводу..."), а из приписки Молотова был оставлен и присоединен к п. 6 выделенный им кавычками (и отмеченный на записке особыми карандашными значками) текст "совершенно ... ценностей". Таким образом был сконструирован единый последовательный текст постановления, из которого целиком ушли прослеживаемые в документах черновых протоколов следы внутренней борьбы при постепенной выработке решения Политбюро¹⁷.

Поправка Молотова выражала его более осторожный подход к широкомасштабной акции повсеместного разгрома русских церквей. Он хотел, по собственному его объяснению – хотя бы на начальной стадии, вывести из-под удара наиболее многочисленные, но и наиболее бедные храмы России, т.е. прежде всего – сельские и церкви бедных городских приходов. В своей приписке к известному письму Ленина от 19 марта Молотов предлагал "распространить кампанию" лишь на те города и губернии, "где действительно есть крупные ценности"¹⁸.

Противоречие это отражало две разные концепции всей кампании по пятую. Если бы ее главная цель и впрямь совпадала с широко разрекламированной – т.е. спасением голодающих, – то действительно, тратить немало усилий, преодолевая массовое крестьянское сопротивление, ради скудных средств сельских храмов, было бессмысленно. Но если главная цель была в разгроме Русской Православной Церкви под видом борьбы с голодом, то, наоборот, сельским церквям надо было уделить особое внимание.

Вполне закономерно поэтому, что сторонники второй концепции на следующем заседании Политбюро, 23 марта, вернутся, уже в присутствии Троцкого, к этому вопросу и преодолеют слабое сопротивление Молотова, отменив его поправку¹⁹.

Последний из приведенных примеров подводит нас к проблеме принятия решений в Политбюро путем поименного голосования и оформления документов, фиксирующих его результаты (в черновых протоколах – 6-я из отмеченных выше составных частей). Перед нами главное сакрализованное действие наивысшего органа власти, в результате которого разноречивые миссии и подходы нескольких человек преосуществляется в непререкаемую и непогрешимую волю партии, пролетариата и всего прогрессивного человечества. Историк пока почти не преуспел в анализе источников, отражающих этот важнейший этап принятия главных в стране решений. Конечно, долгие годы рационально анализировать таинство было трудно и опасно, хотя кое-какие источники начинали просачиваться. Сейчас в качестве одной из первоочередных встает задача введения в оборот и изучения главного резервуара таких источников — черновых протоколов и связанных с ними тематических дел фонда Политбюро АПРФ. Проблема эта не только еще не изучена по авторитетным первоисточникам, она практически даже не поставлена. Ограничимся поэтому лишь первыми предварительными наблюдениями.

Заседание Политбюро от 22 марта 1922 г., принявшее по п. 12 о церковных делах предложение Троцкого с поправкой Молотова, проходило при отсутствии даже простого кворума для голосования. Первый лист чернового протоко-

¹⁷ Там же. Ст. 60. Д. 23. Л. 31–32.

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ Там же. Л. 26.

ла № 115 зафиксировал: "Присутствовали члены Политбюро тт. Каменев, Сталин, Калинин. // Зампред СТО т. Цюрупа. Рыков"²⁰. В Политбюро входили тогда 5 членов (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий) и 3 кандидата (Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, В.М. Молотов)²¹. Кандидат в члены ПБ Калинин, указанный в протоколе как член ПБ, принимал участие в голосовании наряду с членами ПБ. Дошедшие до нас в черновых протоколах записи таких голосований делают несомненным факт одинакового участия в голосовании членов и кандидатов ПБ. Таким образом, 22 марта 1922 г. все постановления ПБ принимались тремя участниками голосования из восьми полноправных – даже при единодушии трех это меньше половины. Известно несколько случаев того же времени, когда заседания ПБ считались правомочными при наличии четырех голосовавших из восьми. Так, 9 февраля 1922 г. на заседании присутствовали Каменев, Сталин, Зиновьев, Молотов (прот. № 94), они же составили кворум заседания 15 марта (прот. № 112) и 16 марта (прот. № 113). 20 марта в Политбюро заседали Каменев, Сталин, Молотов, Троцкий (прот. № 114)²².

Конечно, при голосовании 22 марта п. 12 повестки дня (о записке Уншлихта и Самсонова) можно было бы сослаться на то, что член ПБ Троцкий и кандидат Молотов изложили перед заседанием свое мнение письменно. Но, не говоря уже об остальных пунктах повестки, и для п. 12 дело было достаточно сомнительным, ибо зафиксированного процессуального решения или хотя бы прочной традиции заочного голосования по записке или по телефону в Политбюро не было. Мало того, известно, что когда однажды Зиновьев, по петроградской должности реже других бывавший на заседаниях ПБ, запиской в день голосования 8 мая 1922 г. просил учесть свой голос (оговорившись: "если допустимо подавать голос в отсутствие") – его просьба удовлетворена не была²³. (О деталях этого залутанного голосования мы скажем ниже).

Вместе с тем существовал и применялся метод экстренной выработки мнения Политбюро в перерыве между заседаниями путем опроса его членов, с обязательным последующим утверждением результатов опроса на заседании ПБ. Опрос производился письменно – Секретариат рассылал членам и кандидатам Политбюро инициативный документ в подлиннике или копии, формулировку постановления (если ее не было в документе) и зачастую особый лист "На опрос членов П/Бюро"²⁴ или заменяющую его записку Сталина с просьбой голосовать какое-либо предложение опросом²⁵. Мнение и подписи голосовавших могли содержаться на любом из этих документов (иногда вместе с подколотыми к ним чистыми листами). Кроме того, в материалах черновых протоколов по таким решениям путем опроса иногда имеются: 1) заполненный только рукой секретаря заседания особый лист (с преамбулой о том, что голосуется, или без нее), сводящий вместе все автографы голосовавших в единую спиральку о мнении каждого²⁶; 2) машинописная копия того времени такого рукописного протокола или приглашения к голосованию со всеми высказанными мнениями (дословно) и подписями; 3) машинописная копия того времени, снятая с инициативного документа и дополненная машинописным же воспроизведением текста автографов голосовавших на этом документе.

С осени 1924 г. в делопроизводство постепенно внедряется особый бланк для

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 267. Л. 1.

²¹ Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС; Справочник. М., 1990. С. 20–21.

²² АПРФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 244. Л. 1, Д. 264. Л. 1; Д. 265. Л. 1; Д. 266. Л. 1.

²³ Там же. Д. 275. Л. 26. Ср.: Там же. Оп. 60. Д. 24. Л. 8.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 275. Л. 36.

²⁵ Там же. Оп. 60. Д. 24. Л. 9.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 275. Л. 24.

проведения голосования опросом. В правом верхнем углу бланка напечатано: "НА ГОЛОСОВАНИЕ ВКРУГОВУЮ", сверху в центре: "ПОЛИТБЮРО (протокол №... пункт...)". Далее после двух горизонтальных линий, полужирной и обычной следуют две традиционные колонки: "СЛУШАЛИ" и "ПОСТАНОВИЛИ". В них вносятся (на машинке или от руки) формулировки названия вопроса и предлагаемого постановления. Ниже этих колонок между двумя полужирными горизонтальными линиями помещен раздел "Выписки т.т.", где указываются адресаты рассылки. Нижняя часть бланка озаглавлена: "Результаты голосования" – и предназначена для автографов членов Политбюро.

Что касается возможности опроса членов и кандидатов ПБ по телефону, то в черновых протоколах и тематических делах ПБ имеются отдельные предложения о таких опросах²⁷, как и отдельные случаи секретарских записей о передаче по телефону мнения Ленина, Троцкого. В протоколе № 14 от 3 июля 1923 г. п. 32 и 33 фиксируют результаты голосования, проведенного 28 июня "опросом по телефону"²⁸. Однако для полного уяснения всей процедуры голосования опросом, применявшейся в 1920-е годы в Политбюро, необходимы дальнейшие исследования.

Дело осложняется и тем, что мы пока не знаем даже принципа подсчета голосов как на заседаниях ПБ, так и при письменном (или телефонном) опросе. Сейчас можно лишь отметить, что бывало при голосовании предложения члена или кандидата Политбюро его собственный голос за это предложение не учитывался. Правда, у нас имеются лишь факты, когда мягким предложениям Калинина или Каменева противостояло суровое мнение Ленина, Троцкого и Сталина (спор каждый раз шел о том, меньше или больше священников расстрелять)²⁹. Была ли такая процедура голосования исключением или правилом, без дополнительного исследования сказать нельзя.

Нам известны, однако, два случая, когда при голосовании опросом учитывался голос Троцкого за его собственные предложения – о включении в центральную комиссию по изъятию ценностей командующего войсками Московского военного округа Н. И. Муралова (который "приобрел в этом некоторый опыт по своей работе в Шув") и о включении в ЦК Помгола епископа Антонина (Грановского), на которого Троцкий возлагал большие надежды в деле раскола церкви³⁰.

В тех весьма частых случаях, когда голосующие в ПБ предварительно не знакомились с материалами, не оставляли на них записей о своем мнении, узнать мнение каждого, выраженное им непосредственно на заседании, по протоколам ПБ обычно нельзя. На этом основании можно было бы даже выдвигать тезис о том, что главным на заседаниях считался не сам механизм голосования, а процесс выработки единого мнения добрых друзей, соратников по революционной борьбе. И хотя вся история партии наполнена жестокой борьбой между друзьями – соратниками, когда не раз примеры бескомпромиссности подавал сам главный вождь, нельзя полностью исключать влияние этикетного мифа о едином мнении. И не только в низах партийно-государственного механизма, но и на самых верхах, в зале заседания ПБ. Но наличие строго организованных документов при опросах с формулами "прошу голосовать", "результаты голосования" и т.д. свидетельствуют, что дело тут более сложное. Сама процедура голосования и ее документирование складывались стихийно, с нарастанием элементов упорядоченности.

²⁷ Там же. Д. 293. Л. 41–43.

²⁸ Там же. Д. 269. Л. 4, 6; Д. 343. Л. 46.

²⁹ Там же. Оп. 60. Д. 24. Л. 1–3, 6–9.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 269. Л. 20; Д. 271. Л. 43.

Приведем примеры оформления в документах Политбюро мнения членов и кандидатов ЦК по обсуждаемым на заседаниях вопросам.

30 марта 1922 г., накануне Пленума ЦК, Троцкий направил "в Политбюро" большое письмо с грифом **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**. Письмо содержало теоретическую разработку концепции истории Русской Православной Церкви и заканчивалось "Практическими выводами" для планировавшегося в связи с Пленумом на 30 марта совещания руководителей партийных и советских органов губерний³⁰. В теоретической части говорилось о том, что русская церковь, не прошедшая в свое время буржуазной реформации, лишь сейчас раскололась на "буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло" и "черносотенно-монархическое". Партия должна использовать первое для разгрома второго, а затем, "не давая сменовеховским вождям очухаться", разгромить и их. В заключительной "практической" части, по стилистике вполне пригодной стать постановлением ЦК, помещены 6 команд: "Расколоть духовенство", "Изъять ценности как следует быть", "Расправиться с черносотенными полами", взяв на учет "сменовеховских попов", "неофициально поддерживать их", готовя за это время "вторую кампанию" против них самих – и т.д.

Этот документ, как и другие, направлявшиеся в Политбюро, был передан В. М. Молотовым вечером 30 марта членам ЦК для ознакомления и определения своего отношения. На подлиннике письма имеются автографы, помещенные в конце его друг под другом – сразу после подписи Троцкого:

"За – Молотов
За – Зиновьев
– Сталин
За – Л. Каменев"

Прочерк Сталина, как и в некоторых других подобных случаях, видимо, означает присоединение к предыдущему высказанному мнению, т.е. "за".

После этого можно было бы резолютивную часть письма провести через заседание ЦК как постановление этого органа. Но (возможно, в связи с Пленумом) это сделано не было, Политбюро днем 30 марта рассматривало менее глобальные церковные вопросы, но не письмо. Предложения Троцкого, вероятно, прозвучали на совещании губернских начальников, хотя это нужно еще проверить. А в делопроизводстве ЦК, судя по штампу, фиксирующему, к какому именно пункту какого заседания относится документ, его присоединили к материалам гораздо более позднего заседания Политбюро (уже нового созыва) – прот. № 8, п. 11 от 26 мая 1922 г. В этот день обсуждались и были приняты очередные предложения Троцкого, развивавшие мысли его письма от 30 марта относительно негласной поддержки "обновленцев". В духе общей своей концепции партийный вождь разрабатывал здесь принципы организации и структуры "советской" церкви епископа Антонина Грановского и протоиереев Александра Введенского и В.Д. Красницкого³¹. Нужно добавить, правда, что предложения письма Троцкого от 30 марта 1922 г., проголосованные, но не оформленные протоколом, легли наряду с письмом Ленина от 19 марта в основу многих практических решений Политбюро и других органов власти в марте-мае 1922 г.

Для примера голосований в Политбюро, оформленных с наибольшей четкостью, но все же очень загадочных, связаны с громкими процессами, которые велись Трибуналом в связи с сопротивлением изъятию церковных ценностей в Шувее и Москве. Расстрельные приговоры по этим делам были предопределены заранее как общими указаниями Ленина и Троцкого, Политбюро, так и прямыми директивами ЦК в связи с данными процессами. Была создана даже

³⁰ Там же. Оп. 60. Д. 23. Л. 73–74; Оп. 1. Д. 277. Л. 18.

³¹ Там же. Оп. 60. Д. 23. Л. 71–72.

специальная комиссия ЦК по организации и проведению антицерковных судебных процессов. Но при утверждении в Политбюро уже вынесенных смертных приговоров стали происходить сбои в репрессивной машине, стоявшей над всеми возможными судами, президиумами и парламентами.

Готовившиеся расправы вызвали как многочисленные протесты в стране и за рубежом, так и обильные ходатайства о помиловании (в том числе и юридически безукоризненные). М.И. Калинин, опасаясь пренебрегать прямыми указаниями В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и всего Политбюро, посмел прислушаться к этим ходатайствам. ВЦИК обладал правом помилования. Кандидат в члены Политбюро М.И. Калинин выступал в данном случае от имени ВЦИК, т.е. высшей советской власти, как бы и правящей в стране, но совершенно бессильной перед догмой о руководящей роли партии. Следственное и судебное дела о событиях в Шуе³² наглядно свидетельствуют, что полноценных юридических доказательств для расстрельного приговора священникам Светозарову, Рождественскому и мирянину Языкову найти не удалось. На суде свидетели обвинения явно путались в показаниях, а сам суд больше занимался выяснением классового лица и происхождения обвиняемых, чем их деяниями. Ходатайство и поручительство сельского схода с. Палех за священника И.С. Рождественского были скрыты при судебном разбирательстве (о чем свидетельствует архивная помета)³³. Президиум ВЦИК склонился к помилованию священников и обратился в Политбюро с просьбой разрешить ему сделать то, что он имел право сделать.

2 мая 1922 г. Сталин, не дожидаясь близкого заседания Политбюро, ставит предложение Президиума ВЦИК на голосование опросом членов ПБ. В тематическом деле ПБ о судебных процессах по церковным делам отложилось 5 документов об этом опросе. Это: автограф Сталина – записка "На опрос членов ПБ" с изложением просьбы ВЦИК и предложением голосовать; машинописный вариант той же записки на бланке ЦК РКП(б), направленный для голосования М.П. Томскому, А.И. Рыкову, В.М. Молотову; лист с записью поименных результатов голосования и две выписки из протокола № 5, п. 5, 23 заседания ПБ от 4 мая 1922 г., когда результаты опроса были одобрены дважды (!)³⁴.

Автограф И.В. Сталина имеет весьма примечательную правку. Сталин начал писать: "Президиум (ВЦИК) предлагает отменить решение Ревтрибунала...", но затем зачеркнул первое слово, написав "т. Калинин предлагает..." Таким образом, хотя всем все было ясно, дело представлялось так, будто об отмене приговора просит не высшая представительная власть страны, а "рядовой" кандидат в члены Политбюро. И его собственный голос за отмену приговора можно при этом не учитывать. Так смертный приговор был утвержден четырьмя голосами против трех: за смерть проголосовали Ленин, Троцкий, Сталин, Молотов; против – Рыков, Томский, Каменев.

Неправое это решение было окончательно санкционировано на заседании Политбюро 4 мая 1922 г., на котором присутствовали Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Рыков, Молотов, Калинин да еще член ЦК М.В. Фрунзе³⁵. Результаты опроса сначала были одобрены с формулировкой "О Шуйских полах – Подтвердить решение Политбюро от 2 V с.г." (П. 5). Затем приговор Ревтрибунала в отношении обоих священников был утвержден еще раз, тоже со ссылкой на опрос 2 мая (П. 23). Хотя, таким образом, решение ПБ о расстреле было датировано уже 2 мая, телеграмма с приказанием привести приговор в исполнение (вопреки предыдущей телеграмме Калинина о задержке исполнения

³² ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Л. 376, 377.

³³ Там же. Д. 377. Л. 37-39.

³⁴ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 24. Л. 1-5; Оп. 1. Д. 274. Л. 6, 42.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.

приговора) ушла в Иваново-Вознесенск лишь после окончательного утверждения результатов опроса на заседании Политбюро 4 мая³⁶. Расстрел этот даже по собственным меркам коммунистического режима был документирован, как мы видели, довольно сомнительно.

Другой пример опроса членов ПБ по делу о расстреле священников также не лишен весьма подозрительных моментов. 26 апреля 1922 г. в Москве начался показательный "процесс 54-х" по делу о сопротивлении столичного духовенства и верующих изъятию церковных ценностей. На том же заседании Политбюро 4 мая, на котором был утвержден приговор шуйским священникам, было заслушано сообщение Троцкого, Каменева и председателя Московского Ревтрибунала Бска о ходе процесса. По итогам обсуждения этого вопроса Политбюро отдает судебному органу два строгих приказа.

"Дать директиву Московского трибуналу 1) немедленно привлечь Тихона к суду 2) применить к попам высшую меру наказания"³⁷.

На следующий день, 5 мая, патриарх Тихон дал свидетельские показания на московском процессе³⁸, который закончился постановлением о привлечении патриарха к суду и вынесении 11 смертных приговоров посьми московским священникам и трем мирянам. В литературе сегодня на этом, подчас завершающ рассказ о судьбе обвиняемых³⁹, но, как свидетельствуют документы Политбюро, история эта имела важное продолжение, и не все приговоренные к смерти были тогда казнены.

После вынесения приговора глава Моссовета Л.Б. Каменев обратился в Политбюро с предложением казнить лишь двоих из 11 приговоренных. Сталин выступил против послабления (оперировали пока цифрами, а не именами, будто речь шла не о людях, а о взаимозаменяемых "винтиках"). В деле Политбюро о судебных процессах над священниками имеется машинописная делопроизводственная копия того времени записки Сталина, предложившего членам ПБ решить эту проблему опросом:

"ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО

СТЕПЕННО СЕКРЕТНО.

Московский суд приговорил к расстрелу 11 человек, из них большинство попов (8 попов, 1 дровокол, агитаторша, торговец мясной лавки). Каменев предлагает ограничиться расстрелом 2-х попов.

Прошу голосовать "за" или "против" предложения т. Каменева.

Я лично голосую против отмены решения суда.

СЕКРЕТАРЬ ЦК. СТАЛИН"

³⁶ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 377. Л. 112.

³⁷ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 25. Л. 5. Это выписка из постановления ПБ, протокол № 5, п. 6 в копиях 1930-х годов. Обе копии – одной машинописной закладки, но первая имеет ошибочную дату "5.V" вместо "4.V". В черновом протоколе, понятно, стоит "4/IV-22 г." См.: Там же. Оп. 1. Д. 274. Л. 2, 6, 6 об (Один день здесь весьма важен – 5 мая оба приказа ПБ будут выполнены).

³⁸ Запись текста показаний патриарха Тихона на суде (без даты) см.: Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преследовании высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 195–212. В "Следственной сводке № 1 6-го отделения СО ГПУ" от 9–10 мая 1922 г. говорится о показаниях патриарха, сделанных им 5 и 9 мая (АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 25. Л. 9–10). Важный текст показаний 5 мая не имеет параллелей с его показаниями в этот день на суде, даже предъявленные ему три вопроса иные (о Карловском соборе, о заграничном имуществе РПЦ, о политической агитации священников). Возможно поэтому, что 9 мая был не первый (как сегодня принято историками), а второй допрос патриарха в ГПУ. Отгадка находится в архивах Лубянки и, быть может, когда-нибудь станет доступной исследователям.

³⁹ Цыпин В.А. История Русской Православной Церкви, 1917–1990: Учебник для православных духовных семинарий. М., 1994. С. 46–47, Васильева О.Ю. Книшевский П.Н. Указ соч. С. 175. Однако в работах Д. Волкогонова "Троцкий" (М., 1992. Кн. 1. С. 367), "Ленин" (М., 1994. Кн. II. С. 217) использованы анализируемые документы Политбюро и отмечен факт амнистии шестерых, еще ранее – в публикации документов (Изд. ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 195).

Ниже напечатаны "РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ": Ленин, Троцкий, Сталин и Зиновьев, согласно этому документу, высказались "против отмены", Томский и Рыков – "за предложение Каменева"⁴⁰.

Голос самого Каменева опять не учитывался, но даже если присчитать и его, вроде бы было все в ажуре, четверо против троих.

Однако в черновом протоколе заседания Политбюро 11 мая 1922 г., утверждавшего результаты опроса, имеется записка Зиновьева на бланке Председателя Исполкома Коминтерна с двойной датой: "8.V.22 г." в начале текста и "9/V 1922" в конце его (обе даты, как и весь текст записки – автограф)

«В Политбюро

Если допустимо подавать голос в отсутствие, то я по делу о "попах" голосую за предложение Каменева (двоих). Г. Зиновьев»⁴¹.

Опрос был назначен 8 мая и, учитывая эту записку, результаты его выглядят существенно иначе: 3 голоса за более мягкий приговор, 3 – против (из 10 членов и кандидатов ПБ); а если считать и голос Каменева, то его предложение явно проходило. Но партия решила иначе. 11 мая Политбюро, заседавшее в составе: Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Рыков, Томский, Молотов, Калинин, рассмотрело результаты опроса и сочло, что 8 мая опросом была принята формулировка "Утвердить решение Трибунала" (прот. № 6. П. 18)⁴². Это решение, окончательно утвержденное, вроде бы и ставило последнюю точку в московском процессе. Но подводные течения в Политбюро оказались сильнее формальной логики. Предстояло новое голосование, и не одно.

Дав (в особом, 18 пункте протокола) отпор вредному гуманизму Каменева, Политбюро на том же заседании рассматривало судьбу осужденных еще раз, опять по инициативе Каменева, но при явной ведущей роли Троцкого (п. 14). Дело в том, что Троцкий уже несколько дней вместе с Лубянской занимался тогда подготовкой и осуществлением решающих практических шагов по расколу Русской Православной Церкви.

Чудом сохранился в делах Лубянки удивительный документ – донесение мелкого функционера ГПУ Михаила Шмелева. Он докладывал, что 19 апреля 1922 г. вместе с бывшим священником М. Галкиным, известным гонителем церкви, организовал и провел встречу с несколькими церковниками – епископом Антонином (Грановским, рекомендованным Троцким в руководители антитихоновской церкви), священниками Калиновским, Борисовым, Николостанским. Представители ГПУ и ЦК "разъяснили собравшимся необходимость момента относительно поддержки Советской власти революционным духовенством". Собравшиеся после многих отговорок, выражения всяческих опасений согласились со Шмелевым и Галкиным, предварительно выпросив у них открытие епископской кафедры для Антонина и поддержку журналу "Живая церковь". Было решено продолжить собрание с целью составления воззвания к верующим и принятия других организационных мер⁴³.

Под надзором партии и Лубянки текст программного политического воззвания "обновленцев" был вчерне завершен 10 мая. После того как текст был отпечатан на машинке Реввоенсовета и заверен подписью М. Глазмана, секретаря Троцкого (!), 12 мая он был передан Троцким через Сталина членам Политбюро. В сопроводительном письме Троцкого и резолюции Сталина подчер-

⁴⁰ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 24. Л. 9. В делопроизводственной помете того времени ошибка в дате заседания ПБ, утвердившего этот вопрос, – "6/V-22 г." вместо правильного "11/V-1922 г.". См.: Там же. Оп. 1. Д. 275. Л. 2, 25.

⁴¹ Там же. Оп. 1. Д. 275. Л. 26.

⁴² Там же. Оп. 60. Д. 24. Л. 7.

⁴³ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 172–173.

кивалось, что текст передан "для ознакомления" ("для сведения" – Сталин), обращалось внимание на особые меры секретности⁴⁴. Но всем было ясно, что речь идет об одобрении высшим партийным ареопагом конкретного текста главной декларации "обновленной" православной церкви. Конечно, обсуждение этого текста зазорно было ставить в повестку дня заседания Политбюро, которое уже неоднократно заносило в свои протоколы принципиальное одобрение линии на раскол церкви. Воззвания обновленцев поэтому нет в протоколах Политбюро, оно сохранилось в делах ЛБ по Антирелигиозной комиссии ЦК. Но весьма примечательно, что некая процедура одобрения текста в соответствии с письмом Троцкого была все же проведена в Политбюро. На листе с черновым вариантом воззвания обновленцев имеются автографы членов Политбюро(!):

"Читал И. Сталин 12/V-22

Л. Каменев

М. Томский

А.И. Рыков

В. Молотов

Г. Зиновьев"⁴⁵

Вот в эти дни у Троцкого и родилась мысль связать судьбу приговоренных по московскому процессу с полезным для партии и крайне необходимым делом завоевания духовными противниками патриарха Тихона хотя бы минимального авторитета. Оргкомитету "живцов", работавшему под надзором ГПУ и ЦК, было объявлено, что они могут ценой восхваления советских карательных органов и осуждения тихоновской иерархии спасти несколько церковных голов. На обороте листа с воззванием лидеров новой церкви помечен текст их обращения к Председателю ВЦИК с просьбой помиловать всех приговоренных Ревтрибуналом к расстрелу. Текст напечатан на той же машинке, с той же заверительной подписью М. Глазмана, и одобрительное "голосование" членов Политбюро 12 мая относится (как следует из сопроводилки Троцкого) и к этому документу⁴⁶.

Понятно поэтому, что, когда на заседании ЛБ 11 мая Л.Б. Каменев вторично поднял вопрос о московском приговоре ("о московских полах" – терминология вождей партии), Л.Д. Троцкий сразу взял это дело в свои руки. По его предложению было решено (поименные итоги обсуждения неизвестны):

"а) Приведение в исполнение приговора приостановить.

б) Поручить т. Троцкому к вечеру 12.V с.г. сориентироваться и внести письменное предложение в Политбюро" (прот. № 6. П. 14)⁴⁷.

12 мая Троцкий, сориентировавшись, предложил:

"а) всенародно использовать настоящий критический момент для опубликования воззвания от имени прогрессивной части духовенства (надеюсь, что завтра или самое позднее послезавтра такое воззвание появится в печати и пойдет в провинцию по радио).

б) разбить тем временем приговоренных на две группы как на основании обстоятельств, вытекающих из дела, так и на основании отзывов и ходатайств лояльных (так в тексте. – Н.П.) священников, которые подпишут воззвание. Разбивка на две группы поручена председателю трибунала Беку и Уншлихту"⁴⁸.

Над фатальной "разбивкой" Бек и Уншлихт с помощью Красикова трудились

⁴⁴ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 12.

⁴⁵ Там же. Л. 13.

⁴⁶ Там же. Л. 13 об.

⁴⁷ Там же. Д. 24. Л. 14. В записке Троцкого был также пункт: "Приговор не отменять", т.е. отвергнуть предложение Каменева.

⁴⁸ Там же. Л. 17.

недолго, и уже 14 мая Троцкий представил в Политбюро утвержденное им "Заключение" тройки. Согласно этому документу надлежало расстрелять священников Христофора Надеждина, Василия Соколова, Александра Заозерского, иеромонаха Макария Телегина, мирянина Сергея Тихомирова. Шестерым приговоренным к смерти тройка соглашалась даровать жизнь⁴⁹.

Этот документ был рассмотрен на очередном заседании Политбюро 18 мая, на котором присутствовали Ленин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, Каменев, Томский, Рыков, Молотов, Калинин. Постановили: "Утвердить заключение т. Троцкого"⁵⁰.

Таковым был тогда реальный механизм власти и его отражение в делопроизводстве Политбюро ЦК РКП(б).

* * *

Перейдем теперь к трудным для источниковеда ситуациям, когда тот или иной вопрос (из наиболее деликатных) вроде бы рассматривался членами Политбюро, причем иногда даже индивидуальные мнения каждого из них были выражены, а в протоколах ПБ об этом ничего не записано.

Здесь возможны следующие случаи. Какой-то вопрос мог ставиться для обсуждения на заседании Политбюро обычным порядком, но результаты этого обсуждения сразу же было решено засекретить совершенно особым образом: постановление выносилось "без занесения в протокол". Историк может каждый раз догадаться о конкретных причинах такой таинственности партийных собратьев-конspirаторов. Но остается общее впечатление, что элемент случайности в 1922–1923 гг. все еще присутствует в этой серьезной игре в секреты, что четкий бюрократический порядок в этой сфере, важной для любой авторитарной системы, еще лишь начинает создаваться. Все делопроизводство Политбюро секретно по определению. Протоколы заседаний – тайная тайных, они настолько секретны, что изначально на них даже нет никакого грифа секретности, лишь позднее на первых листах каждого протокола появляются штампы "Секретный Архив ЦК В.К.П.(б)". Но когда любой документ из черного протокола копируется делопроизводителями ЦК для рассылки определенному на заседания ПБ узкому кругу лиц, он тут же получает гриф "СТРОГО СЕКРЕТНО" (в 1922–1923 гг. еще встречаются исключения, но их все меньше, да и в этих случаях секретность оговаривается в сопроводительных письмах, в особых правилах пользования документом, напечатанных на его обороте, и т.д.)

Когда на заседании ПБ принимается постановление "без занесения в протокол", оно не включается в комплекс документов черного протокола. (Исключение из этого правила: п. 19 прот. № 103 "О Пешехонове" остался в черновом протоколе, несмотря на помету "Не вписывать в протокол" См.: Там же. Оп. 1. Д. 255. Л. 17). Но это, конечно, не означает, что оно вообще не фиксируется. Такое решение записывается отдельно в одном экземпляре, на бланке постановления ПБ, описанном выше, или даже на простом листке бумаги. Принятые на заседании ПБ "обычные" постановления по отдельным пунктам повестки дня сразу после заседания копируются вместе с сопровождающими документами не только для рассылки заинтересованным лицам, но и для соответствующего тематического дела текущего делопроизводства, формирующего затем Секретный Архив ЦК (на бланках постановлений это отражено в редко заполняемых графах: "Архив: Дело №... Папка №..."). Вот п

⁴⁹ Там же. Л. 16.

⁵⁰ Там же. Л. 15; Оп. 1. Д. 276. Л. 2.

этих тематических делах и откладывались единственные экземпляры постановлений "без занесения в протокол". Хотя еще трудно сказать – с какой полнотой, уже сейчас выявляются лакуны. В тематических делах, таким образом, сверхсекретные постановления сохраняются в подлинниках и, как правило, без грифа секретности, а "обычные" строго секретные постановления – в выписках или копиях, снятых с черновых протоколов, но с грифом секретности.

Приведем примеры. В 1922–1923 гг. на заседаниях Политбюро не раз принимались решения, определявшие судьбу патриарха Тихона. Но в протоколах заседаний отражены не все из этих решений. Когда к лету 1923 г. окончательно выяснилось, что подготовка судебного процесса патриарха зашла в тупик, что в обвинительном заключении больше риторики, чем фактов, а международные протесты уже приносят советской власти ощутимый политический и экономический урон, Политбюро оказалось перед трудным решением. Приходилось сворачивать уже широко разрекламированное дело, отступать от однопланово-погромной линии по отношению к церкви, определять меру лавирования и временных уступок. Освобождение арестованного патриарха было главной из них. Антирелигиозной комиссии ЦК под руководством Ем. Ярославского было поручено заниматься всем этим делом, но под контролем Политбюро, не забывая о получении максимального эффекта от вынужденной уступки.

На заседании 21 июня 1923 г. (прот. № 13) Ем. Ярославский и Н.В. Крыленко докладывали "вопросы антирелигиозной комиссии", разрабатывающей условия освобождения патриарха.

"Постановили:

1. Принять постановление антирелигиозной комиссии об изменении меры пресечения Белявину^{*}
2. Поручить т. Ярославскому войти в Политбюро через 3 недели с дополнительными предложениями.
3. Процесса пока не ставить."

Текст написан на бланке постановления ПБ (черновой протокол), левая колонка на машинке, правая – от руки. Но в самом прот. № 13 его нет, этот лист хранится в тематическом деле о судебных процессах над церковниками (Д. 24. Л. 53). Причина понятна из резолюции в левом верхнем углу: "В протокол не вносить". Под текстом помета: "Только для т. Сталина". Это принципиальное политическое решение об освобождении патриарха содержит указание на номер и дату протокола, а номер пункта повестки дня приписан от руки на левом поле.

На следующем заседании вернулись к пропагандистскому обеспечению задуманной акции. По докладу Зиновьева 3 июля (прот. № 14) рассматривался вопрос "о Тихоне". Было принято постановление: "Поручить т. Ярославскому организовать интервью Тихона с иностранным корреспондентом по соглашению с т. Радеком". Весьма деликатное постановление было решено не доверять даже черновому протоколу. Мы узнаем о нем лишь из тематического дела ПБ "О судебном процессе по делу патриарха Тихона (Белавина)". В нем хранится документ с этим постановлением. Он написан от руки на бланке постановления ПБ. Под приведенным выше текстом в колонке "Постановили" имеется рукописная помета: "Только для т. Сталина". Слева сверху листа карандашная резолюция: "Не вносится в протокол ПБ". Лист этот как бы переместился в силу указанной резолюции из чернового протокола № 14 (Ф. 3. Оп. 1. Д. 345) в тематическое дело. Но в отличие от обычного вида документа сверху, под грифом ЦК РКП(б) на этом листе проставлены лишь дата и номер протокола, без указания номера пункта, которого нет и в начале колонок "Слушали" – "Постановили". Сверхделикатное и сверхсекретное это постановление, поручавшее двум видным членам ЦК, руководителям дела коммунистической пропаганды,

^{*} Так в тексте. Должно быть "Белавину".

заниматься "организацией" интервью патриарха – не могло иметь своего места в законной повестке для заседания ПБ и в протоколе этого заседания. А об особой, чрезвычайной секретности свидетельствует здесь употребление бланка чернового протокола без грифа секретности⁵¹. Все были уверены – из особых папок особого архива дело не выйдет никогда.

Эти два постановления высшего партийного ареопага, которые вроде бы и есть, но официально их как бы и нет, реально определяли судьбу патриарха, условия его освобождения. Такие постановления "оформлялись" потом решениями от имени других органов – Верховного Суда, ВЦИК, ЦИК СССР и широко публиковались.

Еще одно из постановлений, не вносимых в протоколы ПБ, оказалось совершенно неизвестным в поныне, хотя значение его трудно переоценить. Оно намечало трагический поворот в судьбе патриарха за несколько недель до принятия сверхсекретных постановлений, только что процитированных нами.

Дело обстояло так. Весной 1923 г. набиравшая обороты пропагандистская кампания в связи с предстоящим судом над патриархом Тихоном стала приносить Стране Советов весьма ощутимый ущерб. В западных странах от России отворачивались ее сторонники, срывались займы и просоветские демонстрации в парламентах, множились протесты, в весьма резкой форме заявленные и в известном ультиматуме Керзона. Наркоминдел Г.В. Чичерин обратился в Политбюро с письмом, где он, перечислив весь ущерб от антитихоновской пропаганды, просил вождей заранее принять решение не расстреливать патриарха Тихона. Политбюро, рассмотрев на заседании 12 апреля 1923 г. эту просьбу, постановляло Чичерину отказать⁵². Постановление было оформлено обычным строго секретным порядком. Но затем на том же заседании принималось еще одно сверхсекретное постановление ПБ по этому же вопросу: "Поручить Секретариату ЦК дать директиву (так в тексте. – Н.П.) Верховному трибуналу вести дело Тихона со всей строгостью, соответствующей колоссальному объему вины, совершенной (так в тексте. – Н.П.) Тихоном".

Написано на простом листке бумаги рукой протоколиста многих из этих секретных сборищ помощника секретаря ЦК И.В. Сталина Амаяка Назаретяна, завершающего документ своими инициалами в правом нижнем углу. Его же рукой сверху донесла "Только для т. Сталина". Под текстом запись: "Пост(ановление) П.Б. от 12/IV 23 г." с позднейшей вставкой, указывающей номер протокола и пункта постановления об отказе Чичерину: "61/3" (Там же. Оп. 60. Д. 25. Л. 25). В черновом протоколе (Д. 330) этого документа нет.

Если в ответ на просьбу не расстреливать принимается такое постановление, то это не что иное, как санкция Политбюро на расстрел патриарха Тихона. И нет заслуги партийных вождей в том, что вскоре после этого постановления пришлось принимать противоположное – освобождать патриарха, отменять судебный процесс. Это заслуга тех, кто поднял свой голос протеста против коммунистической теории и практики. Среди них, кстати говоря, был и Фридрих Нансен, так много сделавший для спасения голодающей России. Его корректное, но жесткое предупреждение Троцкому не расстреливать патриарха Тихона находится на соседних листах того же дела фонда ПБ⁵³. 16 мая 1923 г. Сталин решил ознакомить с ним не только членов Политбюро, но и нескольких членов ЦК и ЦКК – Сталин вместе с Каменевым начали тогда отрабатывать упомянутый поворот от одноплано-жесткой линии Ленина и Троцкого к временным послаблениям. На сопроводительках к письму Ф. Нансена подписи ("чи-

⁵¹ Там же. Оп. 60. Д. 25. Л. 34.

⁵² Там же. Оп. 1. Д. 330. Л. 4. Оп. 60. Д. 25. Л. 21.

⁵³ Там же. Оп. 60. Д. 25. Л. 46–47.

тал") Г.Е. Зияновьева, Л.Б. Каменева, М.П. Томского, Н.И. Бухарина, В.В. Куйбышева, Ем. Ярославского, Я.Э. Рудзутака, А.Д. Цорупы⁵⁴.

В приведенных выше примерах не вошедшие в протокол постановления ПБ находились в соответствующих тематических делах архива Политбюро. Но бывают и более сложные для историка случаи. 8 марта 1922 г. по приказанию И.С. Уншлихта ГПУ направило секретарю ЦК В.М. Молотову очередные предложения о репрессивных и пропагандистских мерах в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей. На сопроводительном письме ГПУ, находящемся в тематическом деле об изъятии этих ценностей, делопроизводителями ЦК сначала был ошибочно проставлен штамп о принадлежности документа к протоколу № 111 заседаний ПБ (П. 33). Штамп был затем зачеркнут, и сверху появилась рукописная помета: "Решено без занесения в прот[ок]ол" л.6 № 110 от 9/III-22⁵⁵. В протоколе № 110 (Д. 262) следов этого решения нет. Для того чтобы узнать, чем закончилось в тот день обсуждение предложений ГПУ, необходимы дополнительные разыскания.

В завершение этого, во многом предварительного обзора различных способов оформления результатов заседаний Политбюро, приведем еще один интересный случай. На этот раз был инициативный документ Троцкого с выводами из 6 пунктов, которые вполне годились как основа постановления ПБ, была письменная фиксация предварительного знакомства и согласия с этим документом нескольких членов Политбюро, была резолюция Сталина о постановке вопроса в повестку дня Политбюро, но никаких следов обсуждения на заседании и итогов обсуждения нет.

14 мая 1922 г. Троцкий направил пространное письмо «всем членам Политбюро ЦК, копия редакции "Правды", копия редакции "Известий"»⁵⁶. В письме он в который раз формулировал и уточнял "главную политическую задачу" всего аппарата пропаганды в отношении церкви. Выражая возмущение тем, что советская пресса уделяет слишком мало внимания удачно проведенной операции с подготовкой и публикацией воззвания епископа Антонина и других обновленцев, он пишет: "Мельчайшая галузская дребедень занимает целые страницы, в то время как глубочайшей духовной революции в русском народе (или, вернее, подготовке этой глубочайшей духовной революции) [так скромно оценивал Лев Давидович свою операцию с состряпанным его подручными воззванием. — Н.П.] отводятся задворки газет".

Владимир Ильич подчеркнул эти строки и внизу наложил эмоциональную резолюцию: "верно! 1000 раз верно! Долой дребедень! 15/V Ленин". Он приказал также ознакомить с письмом Троцкого и своей резолюцией редакторов "Правды" и "Известий" Ю.М. Стеклова и Н.И. Бухарина. Последний на письме сделал помету: "Нам было уже послано". Письмо с пометами, хранящееся в фонде Ленина, было по этому экземпляру издано в 1990 г. в "Известиях ЦК КПСС" (№ 4. С. 196–197). Но в тематическом деле об антирелигиозной пропаганде фонда Политбюро отложились документы, существенно корректирующие наши представления о ленинской реакции на письмо Троцкого.

Дело в том, что в шести пунктах "постановляющей" части этого письма Троцкий явно склоняется в сторону большей, чем это считалось допустимым ранее, и, главное, прямой, менее завуалированной поддержки обновленческой церкви партией и правительством. Он требует, в частности, чтобы партийная и советская пресса давала "как можно более информации о движении в церкви,

⁵⁴ Там же. Л. 44–45.

⁵⁵ Там же. Д. 23. Л. 4.

⁵⁶ РЦИДНН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27072. Л. 1–2; АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 16–17 (экземпляр той же машинописной закладки).

всемерно оглашая, поддерживая и комментируя сменовеховские (т.е. обновленческие. — Н.П.) голоса". Троцкий приходит к выводу, что ради успеха обновленческого раскола партия может даже на время поступиться своими принципами "не вызывать в ближайшее время" "нашего материалистического отношения к религии"(!), чтобы не сплотить духовенство в едином отпоре материализму. Он призывает критиковать обновленцев не с "материалистически-атеистической точки зрения", а лишь за слишком робкую борьбу с тихоновской церковью. Главполитпросвет же должен готовиться к тому близкому будущему, когда внутрицерковная свара "разрыхлит почву для семян атенизма и материализма".

Партия в общем-то так и поступала, мы уже упоминали составленные в подобном духе постановления ПБ. И сейчас Сталин принял новые указания Троцкого с энтузиазмом. 16 мая он пишет на своем личном бланке секретаря ЦК следующую записку:

"всем членам Политбюро"

Предлагаю принять все шесть пунктов предложения т. Троцкого как директиву ЦК газетам. И. Сталин"

На записке подписи "за" Зиновьева, Томского и Рыкова, а также предложение Каменева "Газетам послать не только шесть параграфов, но и всю заметку". Ниже ответ Сталина на это предложение: "Каменеву Газетам и так послал. См. заголовок". И. Сталин". Таким образом, Сталин подчеркивает, что дело не в простой рассылке письма Троцкого в газеты, а в превращении его в директиву ЦК.

Но именно такой поворот, оказывается, не устраивал Ленина. Имеется отдельная записка Ленина по этому вопросу:

"Я думаю, этого не надо принимать от имени Политбюро, ибо тогда надо вникать в детали, чего мы не можем. Я получал это и переслал с добавкой от себя (в духе: верно!) т. Стеклову и Бузарину. Этого довольно, по моему. Троцкий нажал, мы не оспариваем, частью даже прямо инструктируем."

Этого довольно.

ЛЕНИН"

Дело было, конечно, не во "влезании в детали", Политбюро не раз принимало довольно детализированные решения. Ленин не захотел оформлять постановления Политбюро коммунистической партии столь прямой директивой о поддержке одного церковного течения. Тем более, что в редакциях газет ведь все равно прочтут ленинское "1000 раз верно!" — практический результат будет достигнут, а с теорией и философией можно быть посдержаннее. Необходимые же инструкции получат и ГПУ, которое вскоре исправно начнет сажать "тихоновцев" за малейшую кривоту "обновленцев".

Сталин вроде бы не смирился. Во всяком случае, на ленинской записке он, как секретарь ЦК, наложил резолюцию: "Поставить на обсуждение в Политбюро. Сталина]"⁵⁷. Нам так и не известно, были ли 6 пунктов письма Троцкого приняты к обсуждению на заседании ПБ в соответствии с этой резолюцией. Ведь до записки Ленина казалось, что вопрос вполне подготовлен, чтобы стать директивой ПБ. Но в любом случае Ленин настоял на своем: вопреки мнению Троцкого, Сталина, Зиновьева и прочих, среди принятых постановлений ПБ, как занесенных в протокол, так и не занесенных, шести пунктов Троцкого нет. А уже 26 мая 1922 г. Политбюро принимает другое предложение Троцкого в связи с борьбой трех группировок обновленческой

⁵⁷ Там же, в тексте.

⁵⁸ АПРО, ф. 3. Оп. 60, д. 12, л. 14

церквя: "Нам пока нет надобности ангажироваться ни в одном из этих направлений (даже неофициально). Гораздо выгоднее, если между этими тремя ориентировками разгорится серьезная борьба"⁵⁸. Впрочем, и на этой позиции Политбюро долго не удержится и Лубянка получит инструкции, кого из обывленцев поддерживать, а кого сажать.

Таковы, повторяю, предварительные наблюдения над делопроизводственными и пылыми особенностями черновых протоколов заседаний Политбюро в 1920-х годах. Поскольку этот источник еще не подвергался архивоведческому, археографическому и источниковедческому анализу, нам приходилось сочетать замечания разных планов – от наблюдений за бланками, шрифтами, почерками до элементов содержательной критики. Хотя при этом иногда нужно было несколько расширять круг привлекаемых документов и фондов, но это делалось с целью лучшего выявления специфики самих черновых протоколов, их источниковедческих возможностей и лакуи.

* * *

Перейдем теперь к выпискам из протоколов заседаний Политбюро. Этот вид источников тесно связан с предыдущим генетически по происхождению, но отячается от него функционально, по назначению и использованию.

Секретариат ЦК изготовлял на основе черновых протоколов выписки по каждому пункту повестки дня заседания, который требовал рассылки заинтересованным лицам (а также в интересах делопроизводства – для тематических дел архива Политбюро). Эти выписки являлись тем основным документом, который доводил волю главного директивного органа страны до исполнителей или их начальников, или начальников их начальников и т. д. Снабженные грифом "СТРОГО СЕКРЕТНО" или "Сов. Секретно" выписки посылались весьма ограниченному кругу лиц, определяемому самим Политбюро применительно к каждому пункту постановления. Один экземпляр выписки оставался в тематическом деле. Номера этих дел иногда указывались в черновых протоколах. Если документы прилагавшиеся в черновом протоколе к постановлению, составляли часть этого последнего, такие документы прилагались и к выписке – в копии, отражавшей последний вариант текста после правки, сделанной на заседании ПБ. Учитывалась и стилистическая правка. Известны, правда, отдельные случаи, когда вместе с выпиской в деле Политбюро находится не окончательный, а первоначальный вид такого документа, но скорее всего это копия, сделанная для членов Политбюро, возможно – еще до заседания.

Таким образом, если в постановлении Политбюро было записано: "Принять предложение т. Троцкого с поправками", то к выписке будет приложен текст этого предложения уже с учетом поправок. Однако первоначальный текст может сохраниться не только в черновом протоколе заседания Политбюро, но и в соответствующем тематическом деле фонда. Так как нынешний вид этих дел не всегда полностью отражает их первоначальную комплектность (да и та не всегда была полной), исследователь должен по возможности каждый раз проверять, какой вид предложенного к выписке из протокола заседания ПБ документа находится в копии в деле – первоначальный или окончательный.

В 1920-х годах выписки из протоколов заседаний Политбюро партия имели уже свои специальные типографские бланки. В левом верхнем углу подлинных бланков был напечатан курсивом, с волнистым подчеркиванием, лозунг "*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*" В правом верхнем углу набран заглавными буквами и подчеркнут гриф "СТРОГО СЕКРЕТНО" (для самого распростра-

⁵⁸ Там же. Д. 23. Л. 71; Оп. 1. Д. 277. Л. 19.

енного вида постановлений ПБ – строго секретных). Далее следовал полужирным крупным шрифтом гриф "Российская Коммунистическая Партия (Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ", отделенный от остального текста двумя горизонтальными чертами. Слева была позиция для номера выписки (она заполнялась на машинке: № протокола и через косую черту – № пункта повестки дня); справа на машинке проставлялась дата составления выписки (три первые цифры года типографским шрифтом), что позволяет отделить подлинные выписки, созданные после заседания для рассылки, от поздних архивных копий. Ниже на каждой выписке печатались на машинке все адресаты рассылки, хотя изредка встречаются подлинные выписки, где этот пункт отсутствует или указан лишь один адресат. Далее на бланке типографски напечатана формула "Выписка из протокола № ... заседания Политбюро ЦК от ... 192 ... г." – данные заполнялись на машинке.

Для самого текста выписки на этом бланке оставались оформленные типографски две колонки с колоннитулами "СЛУШАЛИ", "ПОСТАНОВИЛИ". Обе колонки заполнялись затем на машинке, документ завершался машинописной строкой с формулой подписи "СЕКРЕТАРЬ ЦК". Сама подпись проставлялась непосредственно при рассылке и чаще всего (не всегда) – факсимильная, обычно это подпись В.М. Молотова или И.В. Сталина. Иногда она отсутствует даже при рассылке, а в оставшихся в деле экземплярах выписок подписи конкретного секретаря ЦК, как правило, нет. Встречаются выписки, заверенные круглой печатью ЦК РКП(б).

Под формулой подписи внизу слева проставляется шифр секретной машинки – цифры и буквы; этот шифр, его форма могут иногда приобретать важное датирующее значение.

Обычно бланк первой половины 1920-х годов завершался строкой "Порядок пользования см. на обороте", хотя не некоторых подлинных бланках ее нет. Среди этих правил и требование возврата документа. Имеются варианты этого бланка.

Так как рассылкой выписок из протоколов заседаний Политбюро ведал Секретариат ЦК, наряду с описанным бланком выписки существовали и бланки такой выписки, отличающиеся лишь грифом: "Российская Коммунистическая Партия (Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ // БЮРО СЕКРЕТАРИАТА." Вариант второй строчки грифа: "Отдел Бюро секретариата", где первое слово набрано типографски, а последние напечатаны на машинке; при этом варианте отсутствуют набранные типографски: текст "Выписка из протокола ..." и зачастую – гриф секретности, т.е. перед нами обычный бланк Отдела ЦК РКП(б), использованный для создания выписки, сведения о номерах протокола и пункта повестки дня даются тогда штампом, цифры проставляются от руки (Д. 24. Л. 41). Дата создания выписки на всех этих бланках чаще всего совпадает с датой заседания, иногда она на 2–3 дня позднее, а подчас дата выписки отсутствует.

Знание бланков важно, в частности, и потому, что без него исследователь не всегда отличит подлинную выписку от ее архивной копии, которая заменила подлинник во время той или иной ревизии архивного дела в 1930–1950-х годах.

Эти архивные копии подлинных выписок не имеют ни даты составления выписки, ни даты создания самой копии, а только дату заседания Политбюро РКП(б). В 1930–1950-х годах при замене в архивах подлинных выписок их копиями использовались бланки выписок постановлений Политбюро, применявшиеся для текущего делопроизводства ЦК ВКП(б). Эти бланки были иными, чем в 1920-х годах. Понятное изменение первого слова грифа учреждения – "Российская" на "Всесоюзная" – исправлялось при использовании бланка 1930-х годов для копирования документа первой половины 1920-х годов: напечатанное

типографски слово "Всесоюзная" забивалось на машинке и сверху печаталось "Российская".

Сразу бросается в глаза и второе отличие: бланк 1930-х годов уже не предусматривал двух колонок "СЛУШАЛИ" и "ПОСТАНОВИЛИ". Весь текст печатался на машинке во всю ширину страницы, причем сначала печатался номер пункта повестки дня и его заглавие (оно подчеркивалось), фамилии докладчиков. Этот текст соответствовал прежней левой колонке. Затем после интервала печатался текст самого постановления, соответствовавший правой колонке подлинной выписки. Дата создания выписки была перенесена с правой верхней части листа в левую, под номером протокола и пункта повестки дня, где типографски было напечатано: "... 193... г." Но в копиях выписок 1920-х годов этот пункт бланка не заполнялся. Фамилия секретаря ЦК, подписавшего выписку, отсутствует; чаще всего не скопированы и адресаты рассылки (в копиях выписок, отложившихся в тематических делах фонда Политбюро АПРФ). За некоторыми исключениями не копировались и рукописные делопроизводственные пометы, существовавшие на подлинных выписках. Лишь иногда воспроизводились на машинке те рукописные пометы, которые устанавливали связь данной выписки с другими постановлениями или материалами Политбюро, или те, которые фиксировали указания вождей.

Поздние копии выписок также имеют шифр машинистки, что может способствовать приблизительному определению даты составления этих копий. Форма этого шифра (количество цифр и букв, знаки препинания между ними) подвергалась изменениям, которые предстоит изучить.

Существуют и другие отличия бланков выписок 1920-х и 1930-х годов. Лозунг вверху бланка в 30-х годах набирался прямым шрифтом, а не курсивом, подчеркивался прямой, а не волнистой линией.

При копировании выписки из постановления Политбюро на бланке 30-х годов часто (но не всегда) заменялись копиями и прилагавшиеся к выписке документы, составлявшие часть постановления. Но бывало и так, что подобный приложенный к копии выписки документ заменялся копией значительно позднее, чем сама выписка. Такое происходило, например, во время генеральной ревизии документов фонда Политбюро, предпринятой при Н.С. Хрущеве в 1958–1960 гг. В Д. 23. Оп. 60 этого фонда имеется сделанная на описанном выше бланке 1930-х годов ЦК ВКП(б) выписка из постановления Политбюро от 11 мая 1922 г. (прот. № 6. П. 19) "Об агитации по изъятию церковных ценностей" (Л. 65). Этим постановлением принимались предложения Л.Д. Троцкого, изложенные в его почто-телеграмме от 6 мая; в деле она представлена копией, сделанной и заверенной 25 апреля 1958 г. (Л. 66). Однако такие заверительные датированные записи делались в подобных случаях далеко не всегда. Иногда на копия ставилась одна лишь заверительная подпись без даты – и, следовательно, необходимо собирание и систематизирование этих подписей, составление соответствующих справочников. Порой не было и этой подписи, тогда необходимую помощь в определении времени составления копии может дать изучение шифров машинисток и шрифтов пишущих машинок. Изредка на поздних архивных копиях приложенных документов можно встретить запись о перемещении подлинника в фонд Ленина ИМЭЛ⁵⁹. Необходимо изучить хронологию подобных замен в тематических делах Политбюро копиями подлинных документов В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Ф.Э. Дзержинского и других.

Проблема изучения и датировки копий выписок и приложенных к ним документов является важной в связи с тем, что подлинники, с которых снимались эти копии, не всегда могут находиться в распоряжении историка. Бюрократическое

⁵⁹ Там же. Д. 12. Л. 14.

делопроизводство вообще, советское в особенности, характеризуется обилием копий даже строго секретных документов и затрудненностью поиска подлинников.

Пока еще исследователями не накоплен опыт сопоставления текстов подлинных директивных документов с их копиями, снятыми в разное время.

Мы не изучили еще и принципов передачи текста документов (включая приписки, поправки и т. д.) при снятии с него копии в хронологически обусловленных тех или иных обстоятельствах. Уже сейчас, конечно, можно сказать, что окончательный текст подлинника наиболее авторитетно проявляется из ближайшей ему по времени копии, снятой для приложения к подлинной выписке, или раньше — к подлинному черновому протоколу заседания, или еще раньше — к материалам рассылки инициативных документов членам Политбюро перед заседанием (таких наиболее ранних копий немало, например, в бумагах Ленина в РЦХИДНИ, в бумагах Троцкого, в других личных фондах, есть они и в тематических делах фонда Политбюро АПРФ).

Нами пока не встречено примеров искажения или содержательного редактирования окончательного текста черновых протоколов заседаний Политбюро, приложенных к ним документов в подлинных выписках из них и в копиях как того времени, так и более поздних. Для сегодняшнего состояния источниковедения документов советского периода это предварительное наблюдение представляется существенным. Встречались варианты оформления ("т.", "тов.", "товарищ"), употребления заглавных букв и т. д. Чуть ли не единственное пока исключение, когда вроде бы формальная правка явно носит идеологический характер — поздняя копия записи результатов поименного голосования членов Политбюро о расстреле обвиняемых по известному московскому процессу душovenства (прот. ПБ № 6, п. 18 от 6 мая 1922 г.). В этой копии перед именами "врагов народа" Троцкого, Зиновьева, Томского, Каменева, Рыкова пропущена буква "т", она оставлена лишь перед именами Ленина и Сталина⁶⁰.

Выписки из постановлений Пленумов ЦК РКП(б) не имели своих бланков и оформлялись на бланках выписок из постановлений Политбюро первого из описанных нами видов. При этом в типографском тексте бланка слово "Политбюро" забивалось на машинке, а сверху надпечатывалось слово "Пленума". Сохранялись типографски напечатанные колоннитулы "СЛУШАЛИ" и "ПОСТАНОВИЛИ", но чаще текст не печатался в две колонки, а сплошными горизонтальными строками: сначала шло название и дата принятия соответствующей резолюции Пленума, а затем название, номер и текст того пункта резолюции, который копировался в данной выписке. Дата составления выписки печаталась на обычном месте бланка, вверху — слева или справа⁶¹. В данном случае речь шла о выписке из большой резолюции Пленума.

Краткие постановления Пленума ЦК по отдельным вопросам могли фиксироваться и в выписках из протокола заседания, составленных, как обычно, в две колонки "СЛУШАЛИ" и "ПОСТАНОВИЛИ". Именно так была оформлена строго секретная выписка из протокола Пленума ЦК РКП(б) от 2 августа 1922 г. (№ 3. П. 5). При этом был использован не бланк выписки из протокола заседания Политбюро, а обычный бланк Отдела ЦК РКП(б) с надпечаткой "Бюро секретариата". Бланк и делопроизводственные пометы свидетельствуют, что перед нами не позднейшая копия, а подлинник выписки⁶².

Несколько машинописных строк этого документа окончательно определили

⁶⁰ Там же. Д. 24. Л. 8.

⁶¹ Там же. Д. 12. Л. 147.

⁶² Там же. Д. 24. Л. 147.

судьбу Венямина (Казанского), митрополита Петроградского и Гдовского, архимандрита Сергия (Шенина), профессора Петроградского университета Ю. П. Ноицкого и адвоката И. М. Ковшарова. Как лишь теперь выясняется, Президиум ВЦИК посмел, хотя и довольно робко, воспротивиться кровавожданому ленинскому указанию расстрелять как можно больше "представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии" за сопротивление изъятию церковных ценностей⁶³. Вопреки директиве ЦК по делу о расстреле этих лиц⁶⁴ Президиум ВЦИК, рассмотрев многочисленнейшие ходатайства о помиловании приговоренных к расстрелу, склонился к удовлетворению этих ходатайств. И хотя высший орган советской власти обладал на бумаге правом помилования, он не решился применить это право без санкции директивных партийных органов. Секретарь Президиума ВЦИК А. С. Енукидзе по постановлению ВЦИК сначала обратился с неформальной запиской (на простом листке клетчатой бумаги) к "Секретарю ЦК РКП т. Сталину", доводя до его сведения "устьную" просьбу Президиума ВЦИК к Политбюро РКП(б) "пересмотреть свою директиву по этому делу". Вопрос был вынесен на Пленум ЦК, который хладнокровно постановил: "Отклонить ходатайство Президиума ВЦИКа о пересмотре директивы по вопросу о полах"⁶⁵.

* * *

Историк, впервые столкнувшийся со всей этой документацией 1921–1925 гг., фиксировавшей повседневную распорядительную деятельность высших директивных органов партии, знакомится с непосредственным функционированием механизма реальной власти в стране. Даже уставные, процедурные и тем более делопроизводственные нормы, в соответствии с которыми должен действовать этот механизм, еще весьма неустойчивы, часто пока не сформулированы. Но в этом кажущемся хаосе за первые годы существования новой власти (не раз к тому же менявшей едва возникшие фундаментальные свои установления и институты) уже явно вырисовываются важные государственные принципы. Это прежде всего стремление к предельной централизации власти. Отсюда полное пренебрежение к европейскому принципу разделений властей, что свидетельствует о начавшемся в стране глубоком процессе рефеодализации. Этот принцип разделения властей признается только на словах, лишь для приличия, а на деле и власть исполнительная (СНК), и представительная (ВЦИК, ЦИК СССР), и судебная (Верховный суд, Верховный трибунал) одинаковым образом получают обязательные к исполнению директивы от Политбюро. И это – основная принципиальная характеристика советской государственности, от ее революционного начала вплоть до ее путчистского конца.

И еще одно наблюдение. Испробова по ходу дела структурные основы нового механизма власти, постепенно совершенствуя и ужесточая процедурные правила и документацию, эти люди никоим образом сами не были в плену у придуманных ими правил. Главными для них были все же принципы прагматизма, целесообразности – так, как они их понимали. Чтобы добиться желаемого результата, можно было не только нарушить шаткие еще правила функционирования государственного механизма, но и цинично пренебречь святой снать – догмами марксистской теории, тем, что поколения советских людей будут обречены зубрить по именем "истмата-диамата". И теористики материализма, и критики эмпириокритицизма как скрытой "поповщины", с тем же увлечением, с

⁶³ Там же. Д. 23. Л. 20–23.

⁶⁴ Там же. Д. 24. Л. 41.

⁶⁵ Там же. Л. 47, 48.

каким они когда-то создавали боевые организации для проведения "эксов", займется созданием новой церкви, определением к епархиям и приходам ее владык и иереев.

Так что рухнувший на наших глазах (навсегда ли?) режим рисуется документами секретных фондов Политбюро совсем не таким, как в многотомных, не столь уж полных собраниях сочинений Ленина, Троцкого, Сталина. Этот режим виден нам теперь не только со стороны своего парадного, философского лица, т.е. где-то повыше недопонявших главное Гегеля и Канта, но и со своей цинично-прагматической изнанки, т.е. где-то пониже Малюты и Грозного, кои, хотя тоже составляли расстрельные списки, но ведь потом как истово каялись!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК за 1994 год

Основан в 1957 году
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА "НАУКА"

1996